

ШАХТА
Г. ШАХТЪ
ГЛУБИНА 1200 М.

Книга 1

СОННЫЕ ЖИЛЫ

Попаданка для Тёмного Эллера

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВАЛЕРИЯ ДАРХАН

18+

Валерия Дархан

**Сонные жилы. Попаданка
для Тёмного Эллера. Книга 1**
Серия «Серия "Сонные жилы"», книга 1

<https://litres.ru/73995181>

SelfPub; 2026

Аннотация

Катя из города Шахты привыкла жить над пустотами: провалы, старая пыль, жаркие улицы и бабушкины приметы давно стали частью ее обычной жизни. После падения в старую выработку она начинает просыпаться без воздуха и видеть людей, которые проходят через ее комнату, как через коридор между мирами. Так Катя выходит к Глисе - миру сна, дыхания и жестокой цены. Там Эллеры меняют ткань реальности, отдавая за каждое чудо тело, память, голос или годы жизни. Имран - один из них. Опасный, собранный, слишком честный в своей вине. Он считает Катю угрозой, потому что ее дыхание изменено чужим миром. Но закрыть проход вместе с ней уже не так просто. Красная нить на ее запястье тянется туда, где чужое небо спрятано под землей.

Содержание

Глава 1. Пыль под ногами	4
Глава 2. До воды	10
Глава 3. Люди без двери	17
Глава 4. Второй шаг	24
Глава 5. Красная нить	34
Глава 6. След на коже	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валерия Дархан

Сонные жилы.

Попаданка для Тёмного Эллера. Книга 1

Глава 1. Пыль под ногами

В Шахтах пыль была отдельной погодой.

Она не висела - жила. Поднималась за маршрутками, липла к щиколоткам, садилась на ресницы, забивалась в складки футболки и оставалась на языке сухим серым вкусом. Даже вечером, когда жара понемногу отпускала город, пыль никуда не уходила. Она только становилась тише.

Катя шла по проспекту Победа Революции с пакетом хлеба, кефира и дешёвых персиков. Персики пахли тёплой кожей и подгнившей сладостью. Один уже помялся о край бутылки, и сок выступил на тонкой шкурке мутным пятном.

День вымотал её до глухого раздражения. На работе зависла программа, начальница трижды попросила «посмотреть внимательнее», будто внимательность могла починить старый компьютер, мать прислала пять сообщений подряд и одно голосовое, где молчала почти семь секунд, а потом ска-

зала:

- Ты когда домой?

Катя голосовое дослушала до конца. Ответила коротко: «Иду».

Потом спрятала телефон в карман и ускорила шаг.

Красная нить на запястье чесалась от пота. Тётка повязала её зимой, когда Катя три ночи подряд просыпалась от одного и того же сна: коридор, вода по щиколотку, в дальнем конце кто-то зовёт её голосом матери. Катя тогда смеялась, держала руку как пациент перед уколом, говорила, что все эти нитки годятся только для того, чтобы цепляться за рукава. Тётка затянула узел и сказала:

- Смеёшься - смейся. Снять успеешь.

Катя снять не успела.

Да и зачем. Нить стала частью руки, как тонкий шрам после ожога. Иногда она замечала её в маршрутке или у кассы и думала, что взрослый человек с красной ниткой выглядит смешно. Потом вспоминала, как бабушка накрывала зеркало полотенцем, если кто-то болел, и как мать до сих пор не передавала соль из рук в руки.

В их семье никто ни во что не верил по-настоящему.

Все просто оставляли лазейки на случай, если мир окажется хуже, чем обещали в школе.

У Александровского парка пахло нагретой травой, пивом из пластиковых стаканов и сухим металлом от ограды. На лавке две женщины обсуждали соседку, которая «опять по-

шла по бабкам».

- Деньги девать некуда, - сказала одна.

- Ага, - ответила другая. - Зато после той бабки у неё муж пить бросил.

Они обе замолчали.

Катя усмехнулась краем рта. В Шахтах гадалок ругали с таким же выражением лица, с каким потом искали их номер.

Она свернула туда, где можно было срезать путь. Небольшой пустой участок за гаражами, старый забор, бетонные плиты, сорная трава по пояс. В детстве здесь прятались с сигаретами, лет в шестнадцать целовались за ржавым контейнером, позже просто проходили, потому что десять минут - тоже жизнь.

Место как место.

Сегодня оно встретило её тишиной.

Катя остановилась у края выбитой тропинки. Телефон в кармане нагрел бедро. Пакет мягко тянул пальцы вниз. Откуда-то с дороги донеслась музыка, глухая, басовая, чужая. Здесь звук умер почти сразу.

Под забором лежала дохлая ветка. По ней прошёл ветер, хотя ветра не было.

Катя вдохнула и закашлялась.

Пыль попала в горло острым комком. Слишком холодным для летнего вечера. Она прикрыла рот ладонью, поморщилась и посмотрела на пальцы. Серый след. Обычный. Только блеснуло что-то мелкое, будто в пыли попалась слюда.

- Отлично, - сказала она пустому участку. - Теперь ещё и блёстки.

За бетонной плитой что-то осыпалось.

Катя повернулась.

- Эй?

Голос получился глупым. Тонким. Она сама разозлилась на него. Хотела добавить что-нибудь резкое, но язык прижался к нёбу.

Внизу, под землёй, медленно провернули железо.

Звук был короткий. Хриплый. Словно старая дверь открылась там, где дверей давно быть не могло.

Катя шагнула назад.

Правая нога ушла в пустоту.

Она не поняла сразу. Земля не раскрылась картинно. Не треснула молнией, не загрохотала. Просто край под подошвой сдался, как мокрый картон, и тело качнулось вниз. Пакет вырвался из руки. Персики покатались в траву. Ключи ударились о бетон с жалким металлическим звоном.

Катя успела вдохнуть.

Этот вдох не принадлежал городу.

В нём была мокрая порода, ржавчина, тёмная вода, корни, давно умершее дерево, холод, которого не могло быть в июньском воздухе. Горло обожгло изнутри. Мир перевернулся. Локоть вспоролся о камень, бок ударился о выступ, колено проскользило по глине.

Она падала недолго.

Хватило, чтобы в голове вспыхнуло короткое, злое:
«Вот же блядь».

Потом спина приняла удар.

Воздух вышибло так, будто кто-то сел ей на грудь. Катя открыла рот, но вдох застрял. Над ней осталась неровная щель с куском неба. Небо смотрело вниз слишком спокойно.

Она попыталась пошевелиться. Боль вошла в бок тонким горячим лезвием. Из горла вышел жалкий звук. Пальцы нащупали влажную землю, мелкий камень, корень. Телефона рядом не было.

- Чёрт, - прошептала она.

В темноте справа что-то дышало.

Катя перестала двигаться.

Это не было сквозняком. Сквозняк не выбирает ритм. Сквозняк не делает паузу рядом с твоим лицом.

Она лежала на спине, прижимая ладонь к боку, и слушала.

Вдох.

Пауза.

Выдох.

Земля вокруг была тёплая, а воздух под ней - холодный. От этого тело не понимало, во что верить. Кожа покрылась мурашками, но под лопатками проступил пот.

Из тёмного прохода возле её ноги донёсся шёпот.

Не слово. Звук, который почти вспомнил, как становятся словом.

Катя хотела крикнуть. Спросить, кто здесь. Позвать на по-

мощь. Назвать себя, чтобы кто-нибудь наверху понял, что она живая.

Имя в темноте не зовут.

Бабушкина фраза легла на язык чужой ладонью.

Катя сглотнула и промолчала.

Наверху кто-то закричал:

- Девушка! Вы слышите?!

Она попыталась ответить, но закашлялась. Горло сжало.

На ладони остались серые крупинки с тёмным блеском.

Пыль была почти чёрной.

Ещё один голос сверху:

- Живая?

Катя собрала воздух по капле.

- Живая, - выдавила она.

Слово упало в темноту и вернулось к ней не сразу.

Живая.

Живая.

Живая.

Эхо повторило её голос глубже, чем мог быть этот провал.

Потом в проходе у ноги кто-то тихо засмеялся.

Глава 2. До воды

Катю вытащили через сорок минут.

Она узнала это позже, уже дома, когда мать в третий раз пересказывала один и тот же вечер с такой точностью, будто пыталась собрать из слов лестницу и спустить её обратно в провал.

Сама Катя помнила кусками.

Фонарь в глаза.

Грубые перчатки на плечах.

Мужской голос:

- Не крутись, слышишь? Сейчас достанем.

Кислый запах пластика от носилок.

Чужой мат наверху.

Мать у больничной двери - белая, злая, с пустыми глазами.

Врач говорил ровно, проверял зрачки, трогал пальцами ребро, спрашивал, тошнит ли её. Катя смотрела на его переносицу и думала, что сейчас начнёт смеяться. Просто потому, что ребро болит, колено саднит, мать дышит в спину, а где-то под городом остался проход, который не должен был существовать.

- Переломов не вижу, - сказал врач. - Ушибы, ссадины, возможно лёгкое сотрясение. Наблюдать. Рвота, спутанность, потеря сознания - сразу обратно.

- А если я начну говорить древними голосами? - спросила Катя.

Мать резко всхлипнула.

Врач посмотрел на Катю поверх очков.

- Тогда сначала тоже обратно.

Катя почти улыбнулась.

Дома мать сразу начала мыть пол.

Она всегда так делала, когда не могла управиться с тревогой. Пол был её последней понятной территорией. Ведро, тряпка, вода с хлоркой, мокрые следы по линолеуму. Пока мать тёрла кухню, мир становился хоть немного послушным.

Катя сидела за столом в растянутой футболке и держала стакан воды. Вода пахла трубами. На локте темнела содранная кожа. Под ногтями осталась земля, сколько бы она ни мыла руки.

- Выпей, - сказала мать.

- Сейчас.

- Тебе врач сказал пить.

- Он сказал наблюдать.

- Катя.

В этом имени у матери помещалось всё: злость, страх, просьба, упрёк, старая любовь, которой давно не хватало воздуха.

Катя выпила.

Вода прошла по горлу с болью. Там будто стоял синяк. Она зажмурилась.

Мать заметила.

- Что?

- Дерёт.

- Пыли наглоталась.

Катя кивнула.

Пыль. Конечно.

Очень удобно, когда у ужаса есть бытовое объяснение.

Она посмотрела на свои пальцы. Сколько мыла - всё равно под кожей у ногтей серела тонкая кайма. Казалось, эта пыль уже не снаружи. Она вошла глубже, туда, где тело обычно ничего чужого не хранит.

- Там внизу был воздух, - сказала Катя.

Мать замерла с тряпкой в руках.

- Какой ещё воздух?

Катя провела большим пальцем по запястью. Красная нить стала тёмнее от грязи и воды.

- Холодный. Как из подвала. Только...

Она не договорила.

Сказать «он дышал» было уже слишком. После такой фразы мать либо заплачет, либо начнёт звонить врачу, либо обидится на неё за попытку напугать. Все варианты были плохими.

- Тебе надо поспать, - сказала мать.

- Я знаю.

- Только дверь не закрывай.

Катя хотела возразить. Потом увидела мамины руки. Они

дрожали так мелко, будто внутри костей работал слабый ток.

- Ладно.

Ночью она проснулась с открытыми глазами.

Это было хуже обычного кошмара. В кошмаре можно дёрнуться, сесть, вдохнуть, удариться ногой о край кровати и обрадоваться боли. Здесь тело лежало спокойно. Слишком спокойно.

Катя видела потолок, полоску света от уличного фонаря, шкаф, стул с джинсами, зеркало на дверце.

Дышать она не могла.

Грудь не поднималась. Рот был чуть приоткрыт, но воздух не шёл. Пальцы не слушались. Язык лежал тяжёлый, мёртвый.

Сонный паралич, сказала она себе.

Так бывает. Мозг проснулся раньше тела. После стресса. После ушиба. После падения в старую яму, где тебе послышалось чёрт знает что.

Знание аккуратно легло рядом и ничем не помогло.

В зеркале стоял человек.

Катя видела его боковым зрением. Высокий. Тёмный. Лицо скрыто, будто отражение не успело дорисовать его до конца. Он стоял возле кровати так весомо, что пол должен был скрипнуть.

Потом появился второй.

Третий.

Они не смотрели на неё сразу. Они смотрели на комнату,

на закрытую дверь, на стул, на стакан с водой у кровати. Так смотрят люди, которые вошли в чужую квартиру и не удивились, что стены на месте.

Катя пыталась закричать.

Ничего.

Один повернул голову.

Теперь он видел её.

Или то, что лежало на кровати вместо неё.

Он сделал шаг. Прошёл через полоску света от фонаря, и свет на потолке дрогнул. Не погас. Просто потерял форму.

За ним двинулись остальные. Они пересекли комнату от окна к книжной полке. Не сквозь вещи - сквозь место, где вещи были только верхним слоем. Их одежда не шелестела. Их шаги звучали снизу, будто пол под комнатой был тонкой крышкой.

Последний задержался.

Катя почувствовала запах дыма.

Холодного, ввевшегося в кожу. После пожара, когда огня уже нет, а стены ещё помнят.

Он стоял близко. Очень близко. Если бы её тело слушалось, она бы отшатнулась. Если бы могла вдохнуть, то захлебнулась бы этим запахом.

Его рука поднялась к её лицу.

Левая. В тёмной перчатке.

На месте мизинца ткань была плоской.

Катя перестала пытаться кричать.

Внимание зацепилось за эту пустоту в руке с такой силой, что страх на секунду отступил. Человек без мизинца склонился ниже. Она не видела его глаз. Только линию рта, напряжённую, как перед ударом.

Он коснулся воздуха у её губ.

Не кожи.

Воздуха.

В горло вошла тонкая боль. Катя дёрнулась внутри неподвижного тела.

Мужчина резко убрал руку.

Второй что-то сказал ему на сухом незнакомом языке. Женщина с повязкой на горле повернулась к Кате, приложила палец к губам.

Тише.

Катя бы рассмеялась, если бы могла.

Молчать, когда тебя не спрашивали, она умела с детства.

Фигуры ушли в книжную полку.

Комната снова стала комнатой.

Воздух ворвался в грудь рывком. Катя села, закашлялась, согнулась пополам и вцепилась в простыню. Из горла вышел сухой хрип, потом второй. На языке остался вкус каменной пыли.

Мать влетела почти сразу.

- Что случилось?

Катя потянулась к стакану. Рука тряслась так, что вода пролилась на подбородок, шею, футболку. Она выпила три

глотка, только потом смогла говорить.

- Сон.

- Кошмар?

Катя посмотрела на зеркало.

В отражении стояли мать, кровать, стул, она сама - мокрая, с распахнутыми глазами.

На стекле, в самом низу, серела полоска пыли.

Там, где прошла чужая рука.

Глава 3. Люди без двери

Через неделю Катя купила толстую тетрадь в клетку.

Телефону она больше не доверяла. Телефон мог разрядиться, зависнуть, стереть запись, спрятать файл в облако, куда потом придёт кто-нибудь добрый и объяснит, что ничего не было. Бумага врала хуже. На бумаге оставался нажим.

На первой странице Катя написала:

После провала.

Ниже поставила дату.

Потом перечислила то, что происходило по ночам.

Одышка.

Паралич.

Фигуры.

Шаги под комнатой.

Чёрная пыль.

Она посмотрела на список и почувствовала себя пациенткой из плохого медицинского сериала. Захотелось вырвать страницу. Вместо этого она подчеркнула «чёрная пыль» и закрыла тетрадь.

Днём всё почти держалось.

Катя ходила на работу, отвечала клиентам, пила кофе из автомата, спорила с поставщиком, которому надо было отправить один файл, а он присылал фотографию экрана. Люди вокруг жили так, будто мир не сдвинулся. В маршрутке

пахло потом, духами и жареным тестом. У магазина подростки обсуждали, кто кому поставил реакцию. В родительском чате дома снова ругались из-за ремонта подъезда, хотя ремонт никто не начинал и начинать не собирался.

Вечером становилось хуже.

Город темнел, и Катя начинала слушать землю.

Она слышала слишком много. Машины, трубы, лифт, шаги соседей, воду в батареях, собственную кровь в ушах. Иногда под всем этим появлялся другой ритм. Медленный. Глубокий. Такой, будто под городом спало огромное животное и ему снились люди.

На четвёртую ночь Катя поставила телефон на запись.

Утром на записи было сорок семь минут тишины, потом её хрип, потом шаги.

Не в комнате.

Ниже.

Она слушала кусок шесть раз. На седьмой выключила и пошла в ванную умываться холодной водой. Лицо в зеркале выглядело обычным, только глаза стали старше.

- Хорош, - сказала она себе. - Или врач, или экзорцист. Кто первый свободен.

Сначала она выбрала врача.

Терапевт сказала про стресс и невролога. Невролог сказал про обследование, режим, МРТ, магний, меньше экранов перед сном. Катя кивала, записывала, задавала нормальные вопросы. Вышла из поликлиники с направлением и странным

облегчением.

В аптеке купила магний, пластыри, маленькую булавку и пачку соли.

Фармацевт посмотрела на соль.

- У нас пищевая в соседнем магазине.

- Мне для эксперимента.

- Солью?

- Бюджетная наука.

Фармацевт решила не продолжать.

Дома Катя насыпала тонкую линию соли у порога спальни. Постояла над ней. Смела половину ладонью, выругалась, досыпала обратно. Зеркало закрыла старым платком. Булавку положила под подушку. стакан воды поставила на тумбочку.

Ей стало стыдно.

Потом немного спокойнее.

Перед сном она открыла тетрадь и написала:

Цель - пошевелиться.

Зачеркнула.

Написала ниже:

Цель - встать.

Сон пришёл тяжёлый, вязкий. Катя проваливалась в него с сопротивлением, как в грязную воду. Несколько раз ей казалось, что она проснулась, но комната каждый раз была чуть-чуть неправильной. Лампа висела ниже. Пол тянулся дальше. Платок на зеркале дышал.

Потом всё совпало.

Она лежала на спине.

Тело снова не слушалось.

Катя сосредоточилась на мизинце правой руки. Один раз. Второй. Третий.

Ничего.

Грудь стояла неподвижно. Воздух касался губ и не входил. Внутри поднималась паника - горячая, звериная, унижительная. Катя сжала её мыслью так, будто хватала за шкуру.

Палец.

Ещё раз.

Мизинец дрогнул.

Боль была такой острой, словно под кожей сдвинулась каменная плита.

На стене у окна открылся проход.

Сначала тень. Потом узкая вертикальная темнота. Потом комната стала чужим коридором, и из него вышли они.

Сегодня Катя видела больше.

Женщина с широкой тёмной лентой на горле. Лента скрывала кожу от подбородка почти до ключиц, и по краям виднелись старые серебристые рубцы. Мужчина с повязками на руках, слишком молодой для таких усталых плеч. Старик с глазами разного цвета. Белая девочка лет двенадцати, на лице которой лежала взрослая пустота.

Последним вошёл он.

Дымный.

Так Катя назвала его в голове, потому что имя было пока

недоступно, а запах приходил раньше взгляда. Дым, холодный камень, кожа, нагретая под плотной тканью. Он не казался красивым в обычном смысле. У него было тело человека, который привык носить оружие, боль и чужие жизни без видимого усилия. Плечи собраны. Шея открыта. Лицо резкое, тёмное, с губами, на которых слова не задерживались лишнюю секунду.

Левая рука в перчатке.

На месте мизинца - плоская пустота.

Катя снова двинула пальцем.

Женщина с лентой заметила первой.

Она остановилась у самой соляной линии и посмотрела вниз. На губах появилось короткое, почти человеческое удивление.

Дымный повернул голову.

Теперь все смотрели на Катю.

От злости ей стало легче. Страх всё ещё держал её за горло, но злость дала форму. Она устала быть вещью в комнате. Устала лежать, пока чужие проходят через её жизнь как через тёмный подъезд.

Палец дёрнулся снова.

Потом кисть.

Потом язык упёрся в небо.

Воздух прорезал горло тонкой нитью.

- Не трогай, - выдохнула Катя.

Слова вышли почти без звука.

Дымный услышал.

Он был уже близко. Так близко, что Катя видела тень щетины на подбородке и тонкий шрам у нижней губы. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на горле, спустился к красной нити на запястье.

Нить потеплела.

Катя почувствовала это даже в параличе.

Мужчина протянул правую руку. Не к лицу. К воздуху перед её губами. Его пальцы были сильные, длинные, с мелкими ожоговыми следами у костяшек. Рука остановилась в сантиметре от неё.

В комнате стало душно.

Катя вдруг поняла, что боится этой руки и хочет, чтобы она коснулась.

От этой мысли стало стыдно и яростно.

Тело лежало мёртвым грузом, а внутри что-то живое, горячее, упрямое тянулось к опасности, потому что опасность хотя бы была настоящей.

- Уйди, - прошептала она.

Дымный не шелохнулся.

Женщина с лентой сказала ему что-то на чужом языке. Сухие звуки упали в комнату, как камни в пустой бак.

Он ответил одним словом.

Катя не знала языка, но смысл прошёл по коже.

Живая.

Она собрала остаток дыхания.

- Конечно, живая, придурок.

У старика с разными глазами дрогнули брови.

Белая девочка тихо ахнула.

Дымный смотрел на Катю дольше, чем нужно. В его лице ничего не смягчилось, но воздух между ними изменился. Стал туже. Опаснее. В нём появился вопрос, от которого у Кати пересох рот.

Потом он отступил.

Фигуры двинулись дальше, к книжной полке.

Дымный задержался у самого края прохода.

На этот раз Катя смогла повернуть голову. Немного. Боль вспыхнула в шее, зато мир сдвинулся. Она увидела, как книжная полка на секунду стала каменной выработкой. В глубине темнело нечто синее, похожее на ночное небо, спрятанное под землёй.

Дымный произнёс ещё одно слово.

Катя запомнила звук.

Имран.

Потом проход закрылся.

Катя села рывком, ударилась коленом о тумбочку, опрокинула воду. Соль у порога поплыла белыми островками. Телефон лежал на полу экраном вниз и всё ещё записывал.

Она подняла его дрожащими пальцами.

На записи после её хрипа было слышно чужое слово.

Имран.

В комнате пахло дымом.

Глава 4. Второй шаг

Катя не рассказала матери про Имрана.

Имя было слишком тяжёлым для кухни, где на подоконнике сох укроп в стакане, а мать каждое утро проверяла чайник так, будто он мог уйти из дома. Имя не подходило к квитанциям, к влажным полотенцам, к разговору о том, что мясо опять подорожало.

Катя носила его в себе весь день.

Имран.

На работе она дважды написала его вместо имени клиента. Один раз успела стереть. Во второй раз отправила черновик сама себе и долго смотрела на строчку, пока буквы не стали просто буквами.

Имя пахло дымом.

Это раздражало сильнее всего. Можно было спорить с голосами, списывать на стресс, лечить сонный паралич, делать МРТ, пить магний и даже держать у кровати соль. С запахом спорить было труднее. Он появлялся внезапно. В маршрутке, когда кто-то встал рядом в чёрной рубашке. У подъезда, где подростки жгли бумагу. В собственной комнате, когда Катя открывала шкаф.

Дым. Камень. Горячая кожа под плотной тканью.

Она злилась на себя за то, что запомнила.

Вечером Катя вернулась к месту провала.

Идти туда было глупо. Она понимала это так ясно, что даже не спорила. Просто надела кроссовки, взяла телефон, фонарик, маленький кухонный нож и бутылку воды. Нож сунула в карман куртки, потому что взрослая женщина с кухонным ножом в заброшке выглядит сомнительно, зато без ножа ей было ещё противнее.

Участок за гаражами оцепили лентой. Лента провисла, край уже кто-то оторвал. Люди быстро перестают уважать опасность, если она не кусает каждый день.

Катя пролезла сбоку.

Провал оказался меньше, чем помнился. Неровная яма, осыпавшийся край, внизу темнота. Никакой бездны. Никакого скрытого неба. Просто старый городской стыд, прикрытый травой и привычкой ходить напрямик.

Она включила фонарик.

Луч упал вниз. Камни, глина, корни, обломок кирпича. Место, где она лежала, угадывалось по сдвинутой земле. Катя присела на корточки, придерживая край рукой.

- Ну? - сказала она тихо.

Внизу ничего не ответило.

Она посветила левее.

Там, где в памяти был проход, оказалась плотная стенка осыпи. Катя провела лучом медленнее. Земля как земля. Камни как камни.

Потом свет поймал тонкую красную нитку.

Катя перестала дышать.

Нитка торчала из глины у самого края, уходила вниз и терялась между камнями. Такая же, как у неё на запястье. Только мокрая. Темнее. Будто её тянули через землю долго и с усилием.

Катя посмотрела на свою руку.

Нить была на месте.

Целая.

Слишком туго затянутая.

Под кожей запястья пульсировало тепло.

Сзади хрустнула ветка.

Катя вскочила, выхватила нож и едва не уронила фонарик.

У забора стоял мужчина.

Не Имран. Обычный. Лет сорока, в грязных рабочих штанах, с сигаретой в руке. Он смотрел на нож, потом на Катю.

- Ты чего, мать?

Катя опустила нож.

- Ничего.

- Тут ходить нельзя. Провалится ещё.

- Я знаю.

- Знаешь, а стоишь.

Он затянулся, сплюнул в сторону.

- Девка тут недавно упала. Чуть не убилась.

- Слышала.

Мужчина прищурился.

- Так это ты, что ли?

Катя убрала нож в карман.

- Я.

Он сразу стал смотреть иначе. С любопытством, жалостью и тем тупым восторгом, который люди испытывают рядом с чужой бедой, если она уже закончилась.

- Повезло тебе.

- Все говорят.

- Там старые ходы могут быть. Александровск-Грушевский весь на костях да пустотах. Раньше копали, потом бросали, потом сверху строили. У нас же как: пока не грохнется - никто не чешется.

Катя кивнула, почти не слушая.

Красная нитка внизу шевелилась.

Медленно.

Словно её тянули с другой стороны.

- Вы здесь работаете? - спросила она.

- Рядом. Смотрю, опять кто-то лезет. Думаю, или дети, или самоубийца.

- Не угадали.

- Это хорошо.

Он бросил сигарету, раздавил носком.

- Вали отсюда. Правда. Земля тут плохая.

Катя посмотрела на яму.

- Плохая?

- Пустая.

Это слово осталось с ней до самой ночи.

Пустая.

Дома мать спросила, где она была. Катя сказала: ходила. Мать хотела уточнить, потом увидела её лицо и промолчала. Иногда любовь всё-таки умеет вовремя закрыть рот.

Перед сном Катя долго сидела на кровати. Тетрадь лежала раскрытая на коленях. На странице было написано:

Имран.

Красная нить.

Пустая земля.

Она не знала, что делать с этими словами. Они не складывались в объяснение. Скорее в карту, где не хватает большей части дорог.

Катя закрыла тетрадь.

Соль у порога обновила. Зеркало закрыла. Воду поставила. Нож положила в ящик тумбочки, подальше от подушки. В сонной оболочке нож вряд ли поможет, зато под подушкой он мог помочь ей случайно порезаться во сне. Практичность иногда была единственной формой храбрости.

Она легла на спину сама.

Это оказалось труднее, чем спуститься к провалу.

Тело помнило беспомощность. Мышцы заранее хотели повернуться на бок, свернуться, спрятать горло. Катя заставила себя лежать ровно. Руки вдоль тела. Красная нить на запястье тёплая.

- Давай, - сказала она темноте. - Раз уж начали.

Сон пришёл быстро.

Паралич накрыл мягко, почти ласково. Комната отдали-

лась. Лампа стала мутным пятном. Соль у порога потемнела, будто каждая крупинка набрала воды. Платок на зеркале провис тяжёлой складкой.

Катя начала с пальца.

Мизинец.

Боль.

Дыхание.

Пауза между вдохом и выдохом.

Там, в паузе, снова оказалось место.

Она вцепилась в него и поднялась.

Тело осталось на кровати.

На этот раз Катя не стала смотреть на него долго. Вид собственной неподвижности действовал плохо: хотелось броситься обратно, спрятаться в грудную клетку, закрыть глаза и сделать вид, что мир снова обычный.

У окна уже открывался коридор.

Каменная выработка выступала из стены, как старая рана из кожи. Воздух оттуда шёл холодный, синими прожилками. Где-то далеко капала вода. Или не вода. Звук был слишком ровный, слишком похожий на отсчёт.

Эллеры вышли молча.

Женщина с лентой. Старик. Белая девочка. Мужчина с повязками.

Имран появился последним.

Катя успела подготовиться к страху.

Не к тому, что сделало с ней его присутствие.

Он вошёл в её комнату как человек, которому не нужно занимать пространство силой. Пространство само уступало ему. Тёмная ткань на плечах, открытая шея, правая рука без перчатки, левая скрыта. Взгляд сразу нашёл Катю, прошёл по лицу, задержался на губах, опустил к горлу.

Кожа там вспыхнула.

Катя возненавидела своё тело за честность.

- Назад, - сказал он.

По-русски. Сухо. Почти без акцента, но каждое слово будто проходило через камень.

- Опять?

- Ты не должна стоять.

- Я много чего не должна. Список длинный.

Женщина с лентой быстро сказала что-то Имрану. Он не ответил. Всё его внимание осталось на Кате.

- Как ты вышла? - спросил он.

- Ногами.

- У тебя их здесь нет.

Катя посмотрела вниз.

Ноги были. Почти. Тень тела, собранная из света, кожи и памяти. Она пошевелила пальцами. Пол отозвался холодом.

- Меня устраивает.

Имран сделал шаг ближе.

Катя заставила себя не отступить.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки. Слишком близко для человека, который уже касался воздуха у её рта.

Слишком далеко для того странного жара, который поднялся под рёбрами.

- Твоё дыхание открывает ход, - сказал он.

- Я не просила.

- Ход не спрашивает.

- Удобно.

Его взгляд стал тяжелее.

- Тебя могли услышать снизу.

- Кто?

Имран молчал.

Катя шагнула к нему. Сама не ожидала. Просто злость толкнула вперёд. Между ними осталась ладонь воздуха.

- Кто мог услышать?

Он наклонился чуть ниже. Теперь Катя видела его глаза ясно. Тёмные. Без мягкости. С усталостью, которая не просила сочувствия.

- Те, кто входят через горло.

Холод прошёл по позвоночнику.

Катя вспомнила дыхание в провале. Чёрную пыль. Шёпот у ноги. Нить в глине.

- Поэтому ты трогал меня?

Голос предал её на последнем слове. Стал тише.

Имран услышал.

Его пальцы едва заметно согнулись. Правая рука осталась вдоль тела, левая в перчатке была неподвижна.

- Я проверял.

- Как именно?

- Живая ли ты.

- И если бы решила, что нет?

Он не отвёл взгляд.

- Закрыл бы.

В комнате исчезли все мелкие звуки. Даже капель в коридоре. Даже шорох платка на зеркале. Катя смотрела на него и понимала: он не пугает. Не давит. Не играет в опасного мужчину.

Он способен.

И это било по телу сразу в две стороны: страхом и тёмным, стыдным притяжением к тому, кто настолько честен в своей угрозе.

Катя подняла подбородок.

- Попробуй.

Женщина с лентой резко выдохнула.

Имран двинулся мгновенно.

Катя даже не успела отступить. Его рука легла ей на горло - пальцы остановили её дыхание у самой кожи. Большой палец у линии челюсти, остальные пальцы на боковой стороне шеи. Кожа под ними вспыхнула. Сердце ударило ему в ладонь.

Страх пришёл первым.

За ним - ярость.

Потом что-то ещё, горячее, дикое, от чего хотелось ударить его и прижаться одновременно. Катя вцепилась ногтями в его запястье.

- Убери.

Имран смотрел ей в глаза.

- Запомни это чувство.

- Какое именно? Желание врезать тебе коленом?

- Границу.

Его пальцы сразу разжались.

Он убрал руку, будто прикосновение обожгло его самого.

Катя осталась стоять. Горло горело. На коже ещё держалась форма его пальцев, хотя следов не было.

Она хотела сказать что-нибудь злое, точное, унижительное. Ничего достаточно сильного не нашлось.

Из коридора донёсся низкий звук.

Имран резко обернулся.

Красная нить на запястье Кати натянулась.

К проходу.

Прямо в синюю темноту.

Из синей темноты выдвинулась рука.

Тонкая, с длинными серыми пальцами.

На одном пальце блестело чужое кольцо.

Глава 5. Красная нить

Красная нить натянулась без боли.

Сначала Катя даже успела подумать, что это странно. В обычном теле любая верёвка, любая нитка, любая чужая хватка отзывалась кожей. Здесь же тянуло глубже. Ни запястье, ни мышцы, ни кости - что-то под ними, тёмное и мягкое, как дыхание перед сном.

Коридор за спиной Имрана вдохнул сильнее.

Каменная выработка расширилась. Влажные стены блеснули прожилками синего света. Где-то далеко осыпалась порода, и звук прошёл через комнату Кати, через её шкаф, кровать, собственное неподвижное тело на простыне. Вода в стакане на тумбочке дрогнула кругами.

Катя попыталась отдёргнуть руку.

Нить не пустила.

Имран шагнул ближе. Теперь между ними остался один вдох. Его ладонь снова поднялась, но на этот раз он остановился, не касаясь её. Катя видела суставы, сухие царапины на коже, тёмный край перчатки на левой руке. У этой руки не хватало мизинца, и пустое место в перчатке выглядело хуже любой раны. Словно тело там всё ещё помнило палец, а мир отказывался возвращать его.

- Не дёргайся, - сказал он.

- Она тянет меня.

- Я вижу.

- Тогда сделайте что-нибудь.

Он посмотрел на красную нить. Взгляд стал тяжелее.

- Ты сама её носишь.

- Это просто нитка.

Женщина с лентой на горле издала короткий звук. Почти смешок, только без веселья.

Имран даже не обернулся.

- Здесь простых вещей нет.

Катя хотела ответить резко. Что у неё квартира в Шахтах, мать за стенкой, больной бок, запись к врачу и работа, на которую завтра нужно встать. Что она вообще-то не подписывалась на ночные экскурсии через выработку в неизвестное место. Что если этот мрачный мужчина с голосом подземного камня считает её проблемой, пусть решает её на расстоянии.

Но нить снова потянула.

Катю качнуло вперёд.

Имран поймал её за плечи.

Пальцы легли уверенно, горячо даже через тонкую ткань футболки. Не грубо. Не ласково. Так удерживают человека на краю крыши, когда любое неверное движение стоит жизни. Его тело оказалось близко, слишком живое для сна. Тепло от него шло неровно: грудь и плечи отдавали жаром, а ладонь в перчатке была холодной, почти пустой.

Катя подняла глаза.

Теперь лицо Имрана не пряталось.

Резкие скулы, тёмная щетина, губы, которые, казалось, давно забыли мягкие слова. Он был красив той опасной красотой, где каждую черту выточили усталость, дисциплина и привычка выживать. Катя ощутила это телом раньше мысли. Воздух стал плотнее. Низ живота болезненно сжался, и она разозлилась на себя так сильно, что страх на секунду отступил.

Вот только этого сейчас не хватало.

Провал, сонный паралич, чужой коридор в стене - и её организм решил заметить мужчину.

Имран тоже что-то заметил.

Не движение, не взгляд. Скорее маленький сбой в её дыхании.

Его пальцы на плечах стали жёстче.

- Дыши ровно.

- Я стараюсь.

- Нет.

- Вам виднее, конечно.

- Виднее.

Катя усмехнулась почти беззвучно.

- Прекрасно. Тогда расскажите, как именно надо дышать, пока меня тянет в стену.

Он наклонился ближе.

Слишком близко.

Его голос коснулся её уха шероховатым теплом.

- Вдох короткий. Держишь. Выдох через горло. Не выпускай весь воздух.

- Почему?

- Если выпустишь всё, проход решит, что ты пустая.

У Кати по спине побежал холод.

Она сделала вдох, как он сказал. Короткий. Обожгло грудь. Задержала. Выдохнула медленно, с хрипом. Нить на запястье дрогнула, но тянуть стала слабее.

Имран отпустил одно плечо и перехватил её правое запястье. Большой палец лёг поверх красной нити. Контакт вышел странно интимным. Никакой нежности, никакой игры, только чужая кожа на её пульсе, и от этого у Кати пересохло во рту.

Она ненавидела, когда её тело решало за неё.

Особенно рядом с человеком, который пять минут назад сообщил, что может закрыть проход вместе с ней.

- Снимите её, - сказала она.

- Поздно.

- Почему?

- Она уже помнит дорогу.

Девочка с белыми волосами за его спиной прошептала:

- Имран, она слышит.

Катя повернула голову.

- Что слышу?

Старик с разными глазами шагнул вперёд. Его лицо было сухим, почти прозрачным, но глаза жили резко и больно.

- Пустоты.

Слово прошло по комнате как сквозняк.

Катя почувствовала их.

Не ушами. Под ногами, которых у неё сейчас почти не было. Под домом, под двором, под городом, под всеми улицами, где люди ходили с пакетами, ругались на маршрутки, покупали хлеб, целовались за гаражами, матерились у подъездов. Там лежала тишина старых выработок, вода в провалах, воздух без хозяина.

И ещё дальше - чужой мир.

Он звал.

Не голосом. Давлением в груди.

Имран резко развернул её к себе.

- Смотри на меня.

Катя посмотрела.

Это оказалось хуже. Проход тянул изнутри, а его взгляд держал снаружи. Между двумя силами её будто растягивали на тонкую нить.

- Я не просила этого, - сказала она.

- Знаю.

- Тогда почему это со мной?

Впервые в его лице мелькнуло что-то, похожее на сомнение.

- Потому что кто-то поставил тебя на дорогу.

- Кто?

Ответить он не успел.

Красная нить вспыхнула.

Коридор раскрылся до самого пола. Полоска соли у порога спальни почернела, словно её обожгли снизу. На кровати тело Кати выгнулось, пальцы вцепились в простыню. Мать за стенкой что-то сонно сказала, но не проснулась.

Катя увидела сразу два мира.

Свою комнату - тесную, душную, с платком на зеркале.

И выработку - мокрую, глубокую, уходящую к синему небу под землёй.

Имран обхватил её за талию и прижал к себе.

Теперь она чувствовала его полностью. Твёрдую грудь, запах дыма на коже, напряжение в руках. Её ладони сами уперлись ему в плечи. Под пальцами ткань была грубой, а под ней - живое тело, собранное, сильное, опасное. Внутри Кати сорвался испуганный жар. От близости, от угрозы, от того, что он держал её так, будто имел право, хотя никакого права у него не было.

- Отпустите.

- Упадёшь.

- Я уже падала.

- Второй раз глубже.

Его губы были рядом с её виском. Катя чувствовала каждое слово кожей.

- Дыши, Катя.

Она застыла.

- Я не называла вам имя.

Имран тоже замер.

Коридор шумел за его спиной. Белая девочка закрыла рот ладонью. Женщина с лентой на горле побледнела так резко, будто имя ударило её по лицу.

Имран медленно отстранился.

- Нет, - сказал он глухо. - Не называла.

Красная нить натянулась последний раз.

Кровать, тело, шкаф, соль, вода, лицо Имрана - всё пошло трещинами.

Перед тем как Катю вырвало обратно в себя, она услышала из глубины прохода чужой шёпот.

Её имя произнесли снизу.

Глава 6. След на коже

Катя проснулась на полу.

Не рядом с кроватью, где должна была оказаться после приступа. У двери спальни. Щекой на ламинате, одной рукой в размокшей соли, второй вцепившись в собственное горло.

Воздух шёл тяжело.

В груди что-то скребло изнутри, будто она надышалась угольной пылью. Катя перекатилась на бок и закашлялась. На ладони остались чёрные крупинки. Теперь они точно блестя. Мелко, синим, как искры, которые забыли погаснуть.

Из коридора донёсся голос матери:

- Катя?

Катя стиснула ладонь.

- Всё нормально.

Голос вышел чужим.

Мать открыла дверь через секунду. Увидела её на полу, белую соль, перевёрнутый стакан, мокрую дорожку воды, платок на зеркале. Лицо у матери изменилось так, что Катя сразу пожалела о своём «нормально».

- Господи.

- Мам, я встала резко и споткнулась.

- О соль?

Катя посмотрела на пол.

Отлично.

Объяснение уровня «само напало».

- Да.

- Ты ночью соль у двери сыпешь?

- Видимо.

Мать присела рядом, но дотронуться не решилась.

- Катя, что происходит?

Вопрос был простой. От этого становился невыносимым.

Катя села, прислонилась спиной к кровати. Горло болело.

Не снаружи, изнутри. Словно кто-то держал там пальцы, потом убрал, а память прикосновения осталась.

Она могла сказать правду.

В моей комнате ходят люди из другого места. Один из них знает моё имя. Красная нить тянет меня в шахту под миром. Я, кажется, выхожу из тела. Меня звали снизу.

Мать вызвала бы скорую.

И была бы права.

- Сонный паралич, - сказала Катя. - Я уже записалась к неврологу.

- Это не похоже на сонный паралич.

- А ты специалист?

Мать дёрнулась.

Катя сразу закрыла глаза.

- Прости.

На кухне они молчали.

Мать поставила перед ней чай с сахаром, хотя Катя сахар не любила. Руки у матери дрожали. Катя смотрела на эти ру-

ки и чувствовала, как внутри разрастается глухая вина. Самая бытовая, самая крепкая. За соль на полу, за ложь, за то, что теперь в доме нельзя просто проснуться и пойти пить воду.

- Я сегодня останусь дома, - сказала мать.

- Не надо.

- Надо.

- Мам.

- Мне всё равно, что ты скажешь.

Катя усмехнулась.

- Вот это уже похоже на здоровую семейную коммуникацию.

Мать не улыбнулась.

После завтрака Катя закрылась в ванной.

Сняла футболку и посмотрела на себя в зеркало.

На шее следов не было. Ни синяков, ни красных полос, ничего. Только кожа, бледная после плохой ночи, и пульс у основания горла.

На запястье красная нить стала темнее.

Она уже не выглядела магазинной. Волокна будто вплавились в кожу. Катя поднесла руку ближе к зеркалу. Под нитью шла тонкая синяя линия, похожая на вену, только слишком яркая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.